

Романтические идеи о символе и мифе в контексте становления науки о мифе

В последние десятилетия исследователи в области интеллектуальной истории уделяют большое внимание процессу формирования дисциплин в гуманитарных науках. Этот процесс стартовал в Западной Европе во время наполеоновских войн. Современное дисциплинарное пространство настолько многочисленно и разнообразно, что некоторые исследователи утверждают, что существует потребность в переоценке дисциплинарного деления как такового в перспективе истории его становления [1; 2; 3]. Эти исследования представляют собой подход к интеллектуальной истории дисциплин и распространения знания. Начало XIX в. считается периодом, когда сформировались основания дисциплинарного деления.

Существующие исследования часто обращаются к анализу культурных успехов и политических неудач немецкого романтизма, однако немногие исследователи обращаются к мифологии как дисциплинарному проекту немецкого романтизма. Хотя крайне мало можно сказать о месте мифологии в университетском расписании начала XIX в., анализ идейного становления дисциплинарного проекта мифологии мог бы быть полезен для изучения направления в целом. Такие области знания, как философия, филология, и антиковедение (*Altertumswissenschaft*) представляли собой не только учебные дисциплины, но и целостные способы постижения мира. Они выступали как особенные предметы, чьи уникальные методы позволяли им ухватить целостный образ мира. Существуют многочисленные примеры изучения истории формирования антиковедения, в которых, тем не менее, не рассматривается интеллектуальная роль исследований мифологии как таковых. Изучение роли мифологии в становлении дисциплинарного разделения гуманитарных дисциплин выступает основанием для формирования комплекса гуманитарных дисциплин, таких, как сравнительная мифология, сравнительное религиоведение, искусствоведение, философия религии, психоанализ. Сегодня мифология составляет лишь узкий раздел в каждой из указанных дисциплин, однако в начале XIX в. в Германии именно попытки формирования знания о мифе, через работу с центральными в этом движении понятиями символа и мифа, как особенного предметного поля легли в основание институциональных и идейных поисков основоположников указанных дисциплин.

Говоря о первых символах, содержащих в себе ясно и незамутненно данную истину, выражающих бесконечное содержание в конечной форме, Георг Фридрих Крейцер (1771-1858) ищет исторические доказательства в свидетельствах древнего образа мысли: исторических источниках, изображениях, этимологиях. Он опирается на философские системы Плотина и Прокла, выстроенные по модели неоплатонической теории эманации (уменьшение степени совершенства бытия от высшего источника к следующим), которая для него выступает моделью исходной системы всего человечества, и основанием поисков первого монотеистического истока древних мифологий. Во многом у Крейцера понятие символа заступает на место понятия мифа у многих его современников. Символ Крейцер определяет через внезапную встречу, тотальность в смысле целостности и необходимость как залог обязательства. Его основные черты – это моментальная ясность, краткость, и скрывающаяся за ними значительность.

Теория символа была для Крейцера исходным пунктом в его работе над символикой и мифологией древних народов [4]. Символ, как выражение непосредственного опыта естественного окружения древнего человека, объединял в себе как чувственное восприятие, так и мышление. Символ дается в «моментальной краткости», миф же, напротив, сродни аллегории и представляет собой разветвленную сеть повествования, последовательность и

систему разнообразных историй. Для Крейцера символ может быть мистическим и пластическим, он стремится объединить бесконечное и конечное, он неопределен и краток.

Если в начале XVIII в. под мифом, действительно, понимался дошедший в большей мере от древних греков и римлян корпус мифов, то далее он постепенно разрастался, включая в себя индийскую, северную, африканскую, и в конечном итоге – все древние и новые мифологии [5, Р. XIX-XXVII; 6, S. 277–278; 7, S. 83]. В этот период миф чаще ассоциировали с языческими религиозными верованиями, но не с христианством. Исследование мифа считалось вторичным, носило подчиненный характер, редко велось само по себе. Наиболее интересный сдвиг в понимании мифологии происходит в XIX в., когда верования древних греков начинают интерпретировать не только как языческое идолопоклонство, но и как естественный политеизм. Миф также подразумевал и включал в себя изучение мифа, так называемую мифографию. Постепенно на протяжении первой половины XIX века миф приобрел еще два значения. С одной стороны, миф стал представлять собой творческий процесс, особенный способ воображения, проявляющийся в искусстве или литературе. С другой стороны, миф приобрел и особенное религиозное значение. Миф был уже не языческим и значит неверным подходом, но он начал занимать место внутреннего жизненного принципа всякой религии, и эта внутренняя жизнь в том числе стала доступна для искусства, возможно, впервые со времен Возрождения. Миф даже стал некоторым новым способом спасения человека в своем стремлении возвести его вновь к первичному единству с природой, а также вновь указать ему на это единство через него самого, или через нечто божественное.

Литература:

1. History and the Disciplines. The Reclassification of Knowledge in Early Modern Europe / Donald R. Kelley (ed.). Rochester, NY: The University of Rochester Press, 1997. 344 s.
2. *Marchand S.L.* Down from Olympus. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2003. 400 p.
3. *Valenza R.* Literature, Language, and the Rise of the Intellectual Disciplines in Britain, 1680-1820. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 239 p.
4. *Creuzer F.* Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen. 4 Bde. Leipzig – Darmstadt. 1810-1812. 396 s., 495 s., 574 s., 599 s.
5. The rise of modern mythology, 1680-1860 / [compiled by] Feldman B., Richardson R.D. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1972. 564 s.
6. Herders Conversations-Lexikon. Bd. 4. Freiburg i. Br.: Herdersche Verlagshandlung, 1856. 869 s.
7. *Jamme Ch.* Gott an hat ein Gewand: Grenzen und Perspektiven philosophischer Mythos-Theorien der Gegenwart. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1991. 328 s.